

Империалистические мутации немецкого социализма

В статье “Империализм и раскол социализма” (1916) Ленин писал: *«Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898–1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899–1902), русско-японская (1904–1905) и экономический кризис в Европе 1900 года – вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»*¹.

В рассматриваемый нами период – начало XX века – немецкая социал-демократия была захвачена вихрем империалистического становления Германии и её стремительного превращения в великую державу.

Империалистическое созревание и социал-демократия

Национальная основа социал-демократической идеологии – которая в условиях задержки объединения Германии нашла выражение в лассальянстве – вновь пробилась на поверхность, будто подземная река, когда Германия начала утверждать себя на арене *Weltpolitik*.

Уже во время англо-бурской войны немецкая социал-демократия была дезориентирована: не всегда она могла отличить собственное противодействие британской грабительской войне от простого сочувствия антибританской политике кайзера в Африке. В статье “Война в Южной Африке” в *Neue Zeit* Карл Каутский писал: *«Тот факт, что вся международная социал-демократия, если судить по народным демонстрациям, встала на сторону буров, вполне оправдан, а то, что мы оказались в компании французских, немецких и русских шовинистов, для нас, конечно, очень неудобно и неприятно»*.

Ревизионисты вроде Рихарда Кальвера на страницах откровенно социал-империалистического *Sozialistische Monatshefte* открыто отстаивали интересы германской державы в Африке: *«Как немецкий социалист, – писал Кальвер по поводу Первого марокканского кризиса, – я предпочитаю, чтобы Германия шла во главе экономического прогресса»; «Германия не могла молча смириться с несправедливостью и неуважением со стороны Франции и Англии»*.

Общенациональная кампания “в защиту отечества”, сопровождаемая решительным курсом на перевооружение, приучала массы к самой идее войны. Морской закон 1900 года изменил соотношение сил с Великобританией: если раньше на один немецкий военный корабль приходились два английских, то теперь соотношение изменилось на два к трём.

В 1900 году по случаю экспедиции в Китай для подавления Боксёрского восстания кайзер Вильгельм II, обращаясь к отправляющимся в путь частям, заявил: *«Слава гуннов Аттилы живёт и спустя тысячу лет»,* и пусть *«ни один китаец не осмелится косо взглянуть на немца в течение следующих тысячи лет»*.

“Готтентотские” выборы

Что касается противодействия войне, то, борясь с прусским милитаризмом, социал-демократия унаследовала демократические традиции, которые в большинстве случаев свелись к обобщённому пацифизму. Поэтому социал-демократический антимилитаризм часто игнорировал классовый и революционный смысл противодействия войне, о чём свидетельствуют антивоенная позиция Эдуарда Бернштейна, выраженная в пробританском ключе, или линия Курта Эйслера.

Приверженность мелкобуржуазного общественного мнения идеологии германского империалистического подъёма усилилась в результате изоляции, в которую попала Германия после Первого марокканского кризиса 1905 года, а также на фоне ожесточённых споров о том, какую позицию следует занять перед лицом восстаний племён гереро и нама (так называемых “готтентотов”) в Германской Юго-Западной Африке.

Когда весной 1904 года началась колониальная война, Август Бебель и социал-демократическая фракция в парламенте подвергли жёсткой критике политику рейха в Африке и систематическое истребление коренного населения, отказавшись голосовать за выделение кредитов на военную кампанию.

В ответ, в конце 1906 года, канцлер Бернхард фон Бюлов распустил рейхстаг и развернул ожесточённую кампанию против социал-демократии, заклеив её как антипатриотическую силу и «врага рейха». Таким образом, как отмечает историк Массимо Сальвадори, *«выборы 1907 года превратились в плебисцит о будущем Германии как великой державы и о её глобальной роли. Это были первые шаги социал-демократии [...] под давлением объединяющей силы современного империализма».*

Выборы 1907 года

С момента отмены Исключительного закона против социалистов в 1890 году, когда партия удвоила результат выборов 1887 года набрав более 1,4 млн голосов, социал-демократия переживала непрерывный электоральный подъём вплоть до крупной победы 1903 года, когда она преодолела порог в 3 млн голосов.

На выборах 1907 года абсолютное число голосов достигло почти 3,3 млн. В разгар национал-патриотической кампании против партии социал-демократия сумела в основном удержать свой электорат: её доля упала лишь с 31,7 до 29,0 %. Однако сплочённый альянс консерваторов, национал-либералов и прогрессистов лишил партию почти половины мест в рейхстаге – количество мандатов сократилось с 81 до 43.

Таким образом, голосование 25 января 1907 года было воспринято как поражение и стало отправной точкой ожесточённой внутренней дискуссии о причинах неудачи. *Парламентский кретинизм*, сводивший весь политический анализ к подсчёту мест в рейхстаге, ставил количественный результат выше стратегической позиции по ключевым вопросам, таким как война и империализм.

Руководство партии связывало поражение, в частности, со страхом, вызванным Русской революцией, и с подъёмом националистических настроений, являвшихся выражением колониализма и империализма.

Ревизионистское крыло обрушилось с критикой на так называемых *«радикалов»*, заявляя, что если социал-демократия хочет продвигаться вперёд, она должна глубже интегрироваться в *«национальную реальность»*. Бернштейн не опустил до уровня Кальвера с его явной апологией силовой политики Вильгельма, но подверг критике позицию Бебеля по колониальному вопросу, которая, по его мнению, изолировала партию, и выразил сожаление по поводу того негативного влияния, которое антиревизионистская кампания оказала на общественное мнение. В интервью *Vorwärts* он нападал, в частности, на Каутского, *«хранителя ортодоксального марксизма»*.

Роза Люксембург, напротив, отмечала, что эти выборы можно считать поражением лишь в рамках узкой парламентской логики: изоляция социал-демократии в условиях подъёма империалистического национализма, напротив, служила свидетельством её интернационалистской позиции.

“Дело Носке”

В феврале 1907 года молодой Карл Либкнехт опубликовал брошюру “Милитаризм и антимилитаризм” – за которую ему впоследствии было назначено 18 месяцев тюремного заключения. В ней он разоблачал немецко-прусский милитаризм в его двойственной сути: как инструмент внешней империалистической экспансии и одновременно внутреннего классового подавления.

Бebel не разделял антимилитаристских взглядов Либкнехта. А в ходе парламентских дебатов по военному бюджету в апреле 1907 года социал-демократия, похоже, прежде всего стремилась опровергнуть обвинения в антипатриотизме. Густав Носке, будущий палач спартакистов, с рвением взял на себя роль защитника: *«Я, как социал-демократ, согласен с господином военным министром, когда он говорит, что немецкие солдаты должны иметь лучшее оружие».* Он также добавил, что *«весь немецкий народ [...] заинтересован в военных учреждениях, необходимых для защиты [...] отечества».* Против Носке с жёсткой критикой выступили левые на страницах *Leipziger Zeitung* под редакцией Франца Меринга. Бернштейн, напротив, начал защищать Носке от имени ревизионистов.

Каутскианская тактика

В статье 1905 года «Патриотизм, война и социал-демократия», посвящённой Первому марокканскому кризису и ускорению перевооружения, Каутский утверждал, что, хотя пролетариат в Германии ещё не имел сил предотвратить войну, *«во всех капиталистических государствах он был уже достаточно силён для того, чтобы каждая вредная, тщетная война стала исходным пунктом революции, которая установила бы пролетарский режим и тем самым открыла бы путь к развитию, ведущему к вечному миру»*. Если оставить в стороне кантовскую формулу, то Каутский как будто предвосхитил линию, выраженную в резолюции Ленина – Мартова – Люксембург на последовавшем вскоре Штутгартском съезде. Он также подчёркивал, что *«различие между наступательной и оборонительной войной [...] весьма сомнительно»* и, во всяком случае, *«слишком формалистично»*. Важна *«не форма»*, а империалистическое *«содержание»*.

Однако в статье 1907 г. «Патриотизм и социал-демократия» в *Leipziger Volkszeitung* уже проявляется определённая – пока ещё тактическая – двусмысленность его позиции, зажатой между революцией и демократическим пацифизмом. Каутский уже не говорил о войне как о детонаторе революции, но поддерживал тезис о том, что социал-демократия, борющаяся за предотвращение конфликта, будет всё больше завоёвывать *«доверие масс [...] по мере того, как война будет становиться всё более продолжительной, вызывая всё большие страдания и жертвы»*: *«чем дольше длится война, тем больше массы будут нас слушать»*. Поэтому партии следовало дожидаться *«конца войны»* и подготовиться к *«большим успехам»*.

Штутгартский съезд

Штутгартский съезд II Интернационала в августе 1907 года поставил на повестку дня вопросы империалистической войны и колониализма. Немецкая партия – за исключением левого меньшинства – покинула съезд, *«зарекомендовав себя как партия, наиболее чувствительная к опасениям показаться антинациональной»*, как указывает Сальвадори. Каутский решительно выступил против Эдуарда Давида, поддерживавшего необходимость выработки *«социалистической колониальной политики»* ради её *«цивилизационного влияния»*. Что касается войны, Каутский спорил с Бебелем по поводу различия между оборонительной и наступательной войной, указывая, что для пролетариата это ложная альтернатива, поскольку *«в случае начала войны, она в действительности становится для нас не национальной, а интернациональной проблемой»*.

В итоге съезд принял резолюцию, предложенную Лениным, Розой Люксембург и Мартовым, – о революционной оппозиции империалистической войне. Но в Германии она так и останется мёртвой буквой перед лицом мирового конфликта, а Штутгартский съезд, как покажет дальнейшее развитие событий, поворотным моментом для укоренения в немецкой партии национальных и социал-империалистических тенденций.

Март 2024 г.

¹ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 30. С. 164.